



© Е. В. Скворецкая

DOI: [10.15293/2226-3365.1602.07](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1602.07)

УДК 811.161.1`366

## О СТАТУСЕ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ ФОРМ СУБЪЕКТИВНОЙ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Е. В. Скворецкая (Новосибирск, Россия)

Автор защищает традиционное обозначение слов типа *домик, солнышко, лиственка; беленький, тихонечко* **формами** субъективной эмоциональной оценки, мотивируя тем, что в лингвистике (и в лингвопоэтике) термин «форма» не только соответствует понятию «грамматическая форма» слова (фразеологизма, высказывания, языка в целом), т. е. тому содержанию, через призму которого воспринимается другое содержание. Коннотативная семантика субъективной эмоциональной оценки и является внутренней формой деминутива. В статье предлагается рассматривать объем форм субъективной эмоциональной оценки существительных в виде поля, в центре которого находятся традиционно выделяемые деминутивы, а на периферии – метафоризованные и образованные не от существительных. В статье обращено внимание на то, что вопрос о статусе форм субъективной эмоциональной оценки соотносится с проблемой объема этого явления в русском языке. К деминутивным существительным подключаются деминутивные прилагательные и наречия (типа *беленький, тихонечко*), а также слова с увеличительной семантикой (типа *толстенный, крокодилище*). Включение в эту сферу слов с признаковой семантикой обуславливается синкретизмом категорий качественности и количественности: количественный признак меры проявляется и как указание на размер (*домик, домище*), и как указание на степень (*холодина, легонько*). Значение субъективной эмоциональной оценки обязательно для данной сферы (ср. *голубенький* и *голубоватый*. Второе слово выходит за рамки форм субъективной оценки).

Автор считает, что нередко применяемое сейчас название описываемых единиц «Слова субъективной эмоциональной оценки и степени качества» является очень широким по отношению к традиционному термину «Формы субъективной эмоциональной оценки», потому что понятие «степени качества» включает и понятие «степени сравнения», а субъективная эмоциональная оценка проявляется не только в содержании деминутивов и слов с увеличительной семантикой, но и в содержании других экспрессивов.

**Ключевые слова:** формы субъективной эмоциональной оценки, внутренняя форма слова, деминутивы, словообразовательная и лексико-семантическая деривация, словообразовательная модификация.

---

Скворецкая Елена Викторовна – кандидат филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: [skvoretskaya.elena@mail.ru](mailto:skvoretskaya.elena@mail.ru)



Формы субъективной эмоциональной оценки и степени качества типа *домик, реченька, кругленький, толстенный, чуточку* давно привлекают к себе внимание, и каждый раз, обратившись к ним, исследователь находит какой-то еще до конца не решенный вопрос. Сейчас, в связи с ведущим антропоцентризмом в лингвистике, внимание к подобным словам обусловлено «включением адресата в личную сферу говорящего» [1, с. 145] и тем, что они отражают одну из ярких черт русской ментальности: простой русскоязычный человек при помощи форм субъективной эмоциональной оценки выражает свое ценностное отношение к окружающему, нередко умиляется какому-то предмету, особенно маленькому (*шляпка, пяточка, колечко, штанишки гриба* [2, с. 12]). Субъективное эмоциональное отношение к предметам, людям, можно сказать, соотносится в таких словах с проявлением «свойкости» – выражением участия, заинтересованности по отношению к близким по способу жизни, по духу людям. Приведем пример из рассказа В. М. Шукшина «Степка»<sup>1</sup>, свидетельствующий об этом:

«...все радовались, что он (*Степка*) вернулся, только удивлялись: «Почему рано?» ... Мать и немая (...и глаза у нее синие, как *цветочки*, и смотрела она до слез доверчиво... Ждала все, *крестики* на стене ставила...) тем временем протопили *баньку*... Отец сбегал в *лавочку*... Кто принес *сальца в тряпочке*, кто *пирожков*, оставшихся со дня, кто *пивца-медовухи в туске* – праздник случился нечаянно...»

Элемент «формы» в составе терминологического названия подобных слов постоянно

смущает тех, кто понятие «форма» отождествляет с понятием «грамматическая форма». Но уже более 150 лет существует это название, связанное с такими авторитетами в русистике, как К. Аксаков, А. А. Шахматов, В. В. Виноградов [3, с. 97–100; 108–109; 121–122], и многими современными диалектологами и дериватологами, которые никогда не говорят, что образование подобных слов соотносится с изменением грамматической формы по отношению к исходному слову; наоборот, подчеркивают, что производящее и производное слова в этих случаях, называя один и тот же предмет, сохраняют отношение к одному грамматическому роду (*масло – маслице, лиственница – лиственка*).

Как известно, в лингвистике (и лингвопоэтике) со времен В. Гумбольдта и А. А. Потебни существует понятие «внутренняя форма слова» (фразеологизма и языка в целом) [4–5] – как способ существования значения в слове, его мотивировочный признак, «связь звукового состава слова и его первоначального значения, семантическая или структурная соотнесенность составляющих слово морфем с другими морфемами языка» [6, с. 72]. Суть внутренней формы слова в том, что одна семантика (не грамматическая!) является формой другой семантики, ее мотиватором. Так, в лингвопоэтике, сначала под влиянием А. А. Потебни, а потом – Г. О. Винокура, внутренняя форма художественного образа (эстетического знака) понимается как прямое значение по отношению к обычно многослойной метафорической семантике эстетического знака. Например, конкретное представление о бричке в упряжке трех лошадей, погоняемых Селифаном, – внутренняя форма двухслойного метафориче-

<sup>1</sup> Шукшин В. М. До третьих петухов. Рассказы и повесть. – М.: Детская литература, 1998. – 302 с.



ского образа птицы-тройки и несущейся неизвестно куда Руси. «Одно содержание, выражающееся в звуковой форме, служит формой другого содержания, не имеющего особого звукового выражения» [7, с. 28].

По отношению к внутренней форме слов типа *садик*, *Машенька*, *солнышко*, *серенький*, *худющий*, *чуточку* можно сказать, что она, выражаясь определенным рядом суффиксов, является коннотативным содержанием, отражающим субъективную эмоциональную оценку называемого предмета (или признака), которая в одних случаях (и довольно часто) вызывает у говорящего умиление («Милому свойственно быть милым», – писал К. Аксаков [3, с. 97]), в других – уничижение, пренебрежение (*деревенька*, *бродяжка*), в третьих – удивление или неодобрение (*ручища*, *деньжищи*, *толстенный*, *худющий*), возможно сочувствие (*седенький*) и многое другое, что можно соотнести с проявлением «свойкости» (см. выше).

Прототипическим значением многих форм субъективной эмоциональной оценки существительных является размерность (*маленький/большой*), прототипическим значением форм субъективной оценки признаков слов является степень качества (меньше/больше). Размерность и степень – две разновидности количественности, но семантика степени ориентирована на категорию качественности. Поэтому можно сказать, что сфера форм эмоциональной субъективной оценки соединяет качественность и количественность.

Если применять к описываемой сфере название «Слова эмоциональной субъективной оценки и степени качества», то при внимательном рассмотрении, это название является более широким по сравнению с формами

субъективной эмоциональной оценки, т. к. понятие «степени качества» включает и степени сравнения, а субъективная эмоциональная оценка проявляется не только у деминутивных слов и слов с увеличительной семантикой типа *домище*, но и у многих других экспрессивов.

Вопрос о статусе форм субъективной эмоциональной оценки соединяется с вопросом об объеме этого явления в русском языке. Одним из направлений в решении второго вопроса является, например, присоединение к деминутивным существительным деминутивных прилагательных и наречий типа *кругленький*, *легонько*, а также слов с увеличительной семантикой (*избища*, *ручище*, *крокодилище*, *толстенный*, *широченный*, *худющий*). Включение в эту сферу слов с признаковой семантикой обуславливает синкретизм качественности и количественности: «квантитативный элемент меры (степени) накладывается на квантитативную основу» [8, с. 7]. Имеется в виду то, что количественный признак меры проявляется и как указание на размер (*домик*, *домище*), и как указание на степень (*холодина*, *тихонько*). Значение степени признака при этом соединяется со значением субъективной эмоциональной оценки. За пределами этого находятся степени сравнения прилагательных и наречий, образования типа *сероватый*, *сверхмодный*.

Обратим также внимание на расширение пространства форм субъективной эмоциональной оценки существительных в сфере фитоморфизмов. Так, О. И. Блинова пишет: «Обилие фитоморфизмов в уменьшительных и уменьшительно-ласкательных **формах** (выделено нами – Е. С.) можно объяснить малой величиной номинированных предметов, особым отношением к ним номинаторов, русских крестьян, для которых мир растений один из

близких, важных миров – источник лечения, здоровья, красоты» [2, с. 12].

Среди фитонимов, описанных в работах Т. И. Вендиной (1995 г.) и О. И. Блиновой (2014 г.) есть слова, выражающие аффективные оценки, в которых отразился первый, чувственный опыт познания мира: *мякушка* – ‘сочная трава’ (осязание); *молодик* – ‘молодой лес’ (зрение); *пахучка* – ‘душистый вереск’ (обоняние). В таких случаях мы уже не можем говорить о том, что производящее и производное слово называют один и тот же предмет, как это проявляется по отношению к традиционно выделяемым формам субъективной эмоциональной оценки (*домик/дом; солнышко/солнце*), которые соотносятся со словообразовательной модификацией, т. е. в деривате слегка видоизменяется исходное значение [9, с. 353]. Традиционно понимаемые деминутивы образуются от слов той же самой части речи, а вторичные, типа *мякушка, молодик*, словообразовательно мотивируются именами прилагательными, в связи с этим их внутренняя форма более сложная, чем у слов *домик, деревенька* – их значение воспринимается через призму субъективного отношения говорящего к данным **маленьким** предметам. Внутренняя форма вторичных деминутивов типа *мякушка, желтушка, молодик* перцептивный признак – цветовой, тактильный, проявляющий повышенную **степень** и эмоционально-оценочное значение ласкательности. Подобные явления можно соотнести с периферией пространства «Формы субъективной эмоциональной оценки».

Среди фитонимов немало метафорических, которые возникли сначала на основе словообразовательной, а затем – лексико-семантической деривации. Их первичные и вторичные значения также соотносятся с разными предметами.

Из материалов Т. И. Вендиной:

*березка* – прямое ласкат. значение | *березка* (метаф.) – полевой вьюнок;  
*батажок* – прямое уменьш.-ласк. значение | *батажок* (метаф.) – шавель;  
*дедок* – прямое ласкат. значение | *дедок* (метаф.) – лопушник;  
*братки* – прямое ласкат. значение | *братки* (метаф.) – анютины глазки;  
*колокольчики, кувшинки* – уменьш.-ласк. значение | *колокольчик, кувшинки* (метаф.) – названия маленьких частей соцветий.

«... в этой семантической сфере, – пишет Т. И. Вендина, – ведущими являются три признака: качественно характеризующий, отражающий первичный уровень значения, связанный с субъективным восприятием качеств, свойств фитонимов» [10, с. 33–35].

Особый интерес представляют метафорические названия фитонимов, мотивированные так называемыми «репрезентативными собственными именами» (Л. М. Щетинин) в форме субъективной эмоциональной оценки: *матренка* (тысячелистник) – в основу наименования могло лечь сходство густых соцветий растения и густых кудрявых волос какой-нибудь известной *Матренки*; *авдотька* (из семейства лютиковых) – основой подобия могла стать, например, задранный вверх носик известной *Авдотки* или, возможно, ее недобрый характер; *иванчик* (одуванчик) – название могло возникнуть на основе фонетической близости исходного деминутива (*Иванчик*) и производного фитонима.

Метафорическое содержание вышеуказанных фитонимов актуализирует исходное эмоционально-субъективное значение, и оно настолько ярко, значимо, что исследователь как бы игнорирует вторичность номинаций,



образованных лексико-семантическим способом от исходных деминутивов (в прямом значении), и говорит о метафоризованных деминутивах как о формах субъективной эмоциональной оценки. Можно было бы уточнить – вторичных формах, отличающихся своей словообразовательной производностью от традиционных, таких, как *лиственница – лиственка; курица – курочка; брат – братишка*.

Итак, традиционное название эмоционально-оценочных существительных, прилагательных и качественных наречий типа *бычишка, маслице, лиственка; серенький, тихонечко* – формы субъективной эмоциональной оценки – можно сохранить, если учесть, что термин «форма» в лингвистике (и в лингвопоэтике) используется не только в значении «грамматическая форма», но и соответствует понятию «внутренняя форма» слова (фразеологизма, высказывания и языка в целом), т. е. тому содержанию, которое является формой (призмой) другого содержания. Коннотативное значение уменьшительности и ласкательности, неодобрения, сочувствия и др. – это и форма выражения эмоционального отношения говорящего к называемому предмету, и проявление одной из специфических сторон русской ЯКМ, т. е., по В. Гумбольдту, внутренней формы языка в целом.

Вопрос о статусе форм субъективной эмоциональной оценки не только связан с правомерностью их таковой номинации, но и с критериями отнесения слов в эту сферу. Одно из направлений в решении этого вопроса связано с присоединением к деминутивным словам слов с семантикой увеличения (*домище, толстенный*) и включение в формы субъективной эмоциональной оценки не только существительных, но и прилагательных и качественных наречий, что соотносится с синкретизмом количественности и качественности в этой сфере: можно сказать, что внутренняя форма субстантивных деминутивов опирается на прототипическое значение размерности, а признаков – на прототипическое значение степени качества. Субстантивные формы эмоциональной субъективной оценки можно представить в виде поля. В центре этого пространства находятся слова типа *деревенька, Машенька, окошечко, сынок*, которые вместе со словообразовательно исходным словом обозначают один предмет и связаны с исходным словом отношениями словообразовательной модификации, а на периферии – вторичные формы эмоциональной оценки, а именно: метафоризованные (типа *шляпка, пяточка, штанишки* гриба) и образованные не от существительного (типа *желтушка – одуванчик, молодой* – молодой лес), находящиеся с исходным словом в отношении словообразовательной мутации.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Апресян Ю. Д.** Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М: Языки русской культуры, 1995. – 767 с.
2. **Блинова О. И.** Малоизвестная сфера народной речевой культуры: названия частей растений // Русская речевая культура и текст: материалы VIII Междунар. науч. конф. (17–18 апреля 2014 г.) / под общ. ред. проф. Н.С. Болотновой. – Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2014. – С. 9–14.



3. **Виноградов В. В.** Русский язык (грамматическое учение о слове). – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
4. **Гумбольдт В.** О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. Избр. труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 4–127.
5. **Потебня А. А.** Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. – М.: Министерство просвещения РСФСР, 1958. – 536 с.
6. **Иванов В. В.** Внутренняя форма слова // Русский язык: энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. – М.: Дрофа, 1997. – С. 72.
7. **Винокур Г. О.** Понятие о поэтическом языке // Винокур Г. О. О языке художественной литературы. – М.: Либроком, 2009. – 398 с.
8. **Бондарко А. В.** Теория функциональной грамматики. Качественность и количественность. – СПб: Наука, 1996. – С. 7.
9. **Белошапкина В. А.** Современный русский язык: Синтаксис. – М.: Высш. шк., 1977. – С. 248.
10. **Вендина Т. И.** Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). – М.: Индрик, 1998. – 240 с.
11. **Антипов А. Г.** Симметрия/асимметрия словообразовательной формы // *Актуальные направления функциональной лингвистики: материалы Всероссийской научной конференции (Кемерово, 1–3 декабря 1997 г.)*. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001. – С. 3–21.
12. **Голев Н. Д.** Словообразование как эволютивный синергетический процесс // *Актуальные проблемы современного словообразования: труды международной научной конференции (Кемерово, 24–27 июня 2007 г.)*. – Вып. 2 / под ред. Л. А. Араевой. – Томск: TGU, 2008. – С. 21–31.
13. **Лопатин В. В.** Русская словообразовательная морфемика. – М.: Наука, 1977. – С. 41–62.
14. **Немченко В. Н.** Современный русский язык. Словообразование. – М.: Высшая школа, 1984. – С. 83–162.
15. **Петров А. В.** Деривационное выражение степени проявления признака в сложных адъективах русского языка // *Актуальные проблемы современного словообразования: труды международной научной конференции (Кемерово, 24–27 июня 2007 г.)*. – Вып. 2 / под ред. Л. А. Араевой. – Томск: TGU, 2008. – С. 112–118.
16. **Улуханов И. С.** Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. – М.: Наука, 1996. – С. 80–95.
17. **Щетинин Л. М.** Слова, имена, вещи. – Ростов-н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1968. – 215 с.
18. **Янко-Триницкая Н. А.** Словообразование в современном русском языке. – М.: Наука, 2001. – С. 73–75.
19. **Kripke S. A.** Naming and necessity. – Oxford: Blackwell, 1980. – 172 p.



DOI: [10.15293/2226-3365.1602.07](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1602.07)

Skvoretskaya Elena Viktorovna, Candidate of Philological Sciences,  
Professor, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk,  
Russian Federation.  
ORCID iD [0000-0001-5025-4306](https://orcid.org/0000-0001-5025-4306)  
E-mail: [skvoretskaya.elena@mail.ru](mailto:skvoretskaya.elena@mail.ru)

## ON THE SO CALLED SUBJECTIVE EMOTIONAL EVALUATION IN RUSSIAN

### Abstract

*The author defends the traditional classification of words such as domik, solnyshko, listvenka; belenkyi, tikhonechko as forms of subjective emotional evaluation arguing that in linguistics (and linguopoetics) the term "form" does not only correspond to the concept "grammatical form" of words (idioms, statements, language in general) that is to the content through which another content is perceived. Connotative semantics of subjective emotional evaluation is an internal form of diminutive units. The article proposes to consider the amount of subjective emotional evaluation forms of nouns as a field, its center including traditional diminutives and the periphery being metaphorical forms not derived from nouns. The author draws attention to the fact that the question of the status of the forms of subjective emotional evaluation is correlated with the scope of this phenomenon in the Russian language.*

*Diminutive nouns are viewed together with diminutive adjectives and adverbs (like belenkyi, tikhonechko) as well as words with magnifying semantics (like tolstennyi, crocodiliche). It is due to the syncretism of categories of quality and quantity that words with that feature semantics are included into this area: quantitative feature of measure is manifested as an indication of the size (domik, domiche), and as an indication of the degree (holodina, legon`ko). The meaning of the subjective emotional evaluation is obligatory for this area (cf. golubenkyi and golubovatyi. The second word is beyond the forms of subjective evaluation).*

*The author believes that the often used now name of the described units "The words of subjective and emotional evaluation of the degree of quality" is very broad in relation to the traditional term "Forms of subjective emotional evaluation", because the concept of "degrees of quality" includes the concept of "degrees of comparison" and subjective emotional evaluation is evident not only in the content of diminutives and words with a magnifying semantics, but in the content of other expression.*

### Keywords

*Forms of subjective emotional evaluation, the inner form of the word, diminutive, word-formation and lexical-semantic derivation, derivational modification.*

## REFERENCES

1. Apresyan Y. D. *Linguistic picture of the world and systemic lexicography*. Moscow, Languages of Russian culture Publ., 1995, 767 p.
2. Blinova O. I. A little-known sphere of folk speech culture: names of parts of plants. *Russian speech culture and text. Proceedings of the VIII International Conference* (17–18 April 2014). Tomsk, 2014, pp. 9–14.
3. Vinogradov V. V. *Russian language (grammatical doctrine of the word)*. Moscow, Higher School Publ., 1972, 614 p.



4. Humboldt W. On the difference between the structure of human language and its influence on the spiritual development of mankind. *Humboldt W. fav. works on linguistics*. Moscow, 1984, pp. 4–127.
5. Potebnya A. A. *From the notes on Russian grammar*. Vol. 1–2. Moscow, Ministry of Education of the RSFSR Publ., 1958, 536 p.
6. Ivanov V. V. The inner form of the word. *Russian language: Encyclopedia*. (Ed.) Ju. N. Karaulov. Moscow, Bustard Publ., 1997, 72 p.
7. Vinokur G. O. The notion of poetic language. Vinokur G. O. *On the language of literature*. Moscow, Librokom Publ., 2009, 398 p.
8. Bondarko A. V. Preface. *The theory of functional grammar. Qualitative and quantitative*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996, p. 7.
9. Beloshapkova V. A. *Modern Russian language: Syntax*. Moscow, Higher School Publ., 1977, 248 p.
10. Vendina T. I. *Russian language picture of the world through the prism of word formation (the macrocosm)*. Moscow, Indrikis Publ., 1998, 240 p.
11. Antipov A. G. Symmetry/asymmetry of formative forms. *Topical areas of functional linguistics*. Tomsk, Tomsk University Publ., 2001, pp. 3–21.
12. Golev N. D. Word formation as a process of evolutionary synergy. *Actual problems of modern word-formation*. Vol. 2. (Ed.) L. A. Araeva. Kemerovo, 2008, pp. 21–31.
13. Lopatin V. V. *Russian derivational morphemics*. Moscow, Science Publ., 1977, pp. 41–62.
14. Nemchenko V. N. *Modern Russian language. Word formation*. Moscow, Higher School Publ., 1984, pp. 83, 152, 162.
15. Petrov A. V. Derivational expression of the degree of manifestation of feature in complex adjectives of Russian language. *Actual problems of modern word-formation*. Vol. 2. (Ed.) L. A. Araeva. Kemerovo, 2008, pp. 112–118.
16. Ulukhanov I. S. *Units of word-formation system of the Russian language and its lexical realization*. Moscow, Science Publ., 1996, pp. 80–95.
17. Schetinin L. M. *Words, names, things*. Rostov on Don, Rostov University Press Publ., 1968, 215 p.
18. Janko-Trinititskaya N. A. *Word formation in modern Russian*. Moscow, Science Publ., 2001, pp. 73–75.
19. Kripke S. A. *Naming and necessity*. Oxford, Blackwell Publ., 1980, 172 p.